

Г. И. Берестнев

СОННИК Г. Х. МИЛЛЕРА: СТРУКТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТОЛКОВАНИЯ

85

Сонник Г. Х. Миллера анализируется с позиций современной когнитивной лингвистики. Отмечены его культурные характеристики, опора на контекст сновидения, полисемия ключевого образа и возможность отношений омонимии в этом плане. Как важные черты толкований снов в соннике определяются их гендерная ориентированность и субъектно-объектная дифференциация. Показаны три механизма семантического преобразования, обеспечивающие толкование сновидений: метафорическое переосмысление, метонимический сдвиг, прагматическое расширение.

G. H. Miller's dream dictionary is analysed from the perspective of modern cognitive linguistics. The author examines its cultural characteristics, embeddedness in the context of dreams, the polysemy of the key image, and the possibility of homonymy. Gender dependence and subject-object differentiation are identified as important features of dream interpretations in the dictionary. The author describes three mechanisms of semantic transformation behind the dream interpretation: metaphoric conversion, metonymic shift, and pragmatic extension.

Ключевые слова: сновидения, сонник, семантика, семиотика, метафора, метонимия, прагматика, символ, семантические преобразования, бессознательное, гендер, культура.

Key words: dreams, dream dictionary, semantics, semiotics, metaphor, metonymy, pragmatics, symbol, semantic transformation, the unconscious, gender, culture.

В ряду источников, содержащих широкое, системное и в перспективе научно ориентированное описание сновидений, особое место занимает сонник Густава Хиндмана Миллера (1857–1929). На фоне предшествующих источников подобного рода этот сонник отчетливо выделяется уже в силу его объема — в нем представлено около 2000 образов сновидений, которым даются достаточно развернутые толкования: столь масштабных собраний ранее не существовало.

В своем соннике Г. Х. Миллер прежде всего учитывал культурные реалии соответствующего времени и узко специальные профессиональные знания. Так, в качестве объектных в соннике приведены следующие единицы: баланс предприятия, брюшина полость, бхагавадгита, ветряная мельница, горничная, греческий язык, двуколка, долгоносик, инаугу-

рация, иссоп, квасцы, кларет (вино типа бордо), кожевенный завод, кормилица, Кришина, магнетит, машинное оборудование, мирт, монокль, нюхательный табак, паж, санскрит, сямбук и др. Тем самым Г. Х. Миллер показал, что содержательному толкованию могут подвергаться вообще любые образы сновидений, независимо от их познавательной и культурной специфики — и «архетипические», составляющие константы человеческого сознания (например, *вода, огонь, река, небо, облака, поцелуй, путь* и др.), и относящиеся к специальной деятельности человека.

В соннике Г. Х. Миллера выделяют и несколько других важных черт. В частности, его структуру. Он представляет собой своеобразный словарь, в котором на «входе» приводятся образы сновидений (их языковые описания), а на «выходе» — их толкования по отношению к сновидцу. Важно при этом, что Г. Х. Миллер сумел увидеть принципиальную важность ситуативного контекста, в котором то или иное сновидение фигурирует. Так, видеть во сне *жницы за работой* — означает процветание и удовлетворение; *жницы, идущие по сухой стерне*, — неурожай, постепенный упадок в делах; *жницы на отдыхе* — знак того, что благополучие сновидца будет омрачено печальными событиями [2, с. 166]. Тем самым Г. Х. Миллер показал, что, по сути, значимым в сновидении является не отдельный образ, а некая ситуативная целостность, образ во взаимодействии с другими элементами соответствующей ситуации. Таким путем выразилась мысль о том, что семантика сновидений определяется не «номинативными» единицами человеческой ментальности, а «предикативными», представляющими некую ситуацию в действительности. Но центр этой ситуации составляет образ, оцениваемый сновидцем как ключевой; сновидец определяет для себя во сне когнитивный фокус и актуальный для него фон.

Другая яркая семантическая черта сонника Г. Х. Миллера — признание возможной полисемии самого ключевого образа. Одна и та же образная величина, по наблюдению Г. Х. Миллера, может в принципе иметь несколько значений — даже независимо от ситуативных условий, в которых она выступает. Так, видеть во сне, что *играешь в жмурки*, — знак того, что скоро займешься неподходящим делом, ведущим к унижению, но этот сон может предвещать и потерю денег [2, с. 166]; *насекомые*, согласно соннику Г. Х. Миллера, снятся к осложнениям, которые могут нарушить нормальный ход вещей: семья может пострадать от неряшливости домработницы, но возможно, это будет и болезнь [2, с. 321]; *ручная прялка* во сне означает, что сновидец экономен, его окружают приятные люди, но это же образ может значить, что сновидец создает атмосферу преданности в своей семье [2, с. 434].

Следует заметить при этом, что в одних случаях полисемия образов сновидений проявляет себя вполне отчетливо — в объединяющих их содержательные варианты семантических признаках (ср.: интегральный признак «осложнение» в приведенных выше толкованиях образа насекомых). Однако подобные интегральные признаки, обязательные вообще для отношений полисемии, могут и не просматриваться столь явно, полисемия распадается и между образами сновидений складыва-

ется отношение омонимии. Так, в составе таких содержаний образа *ручной прялки*, как «приятные люди в окружении» и «создание атмосферы преданности в своей семье» [2, с. 434] достаточно отчетливо выделяются общие признаки «приятный» и «личное пространство субъекта» — это отношение характерно для полисемии. Вместе с тем содержание «экономность» едва ли вписывается в эту картину.

Еще одну особенность сонника Г. Х. Миллера составляет прослеживающийся в нем в отдельных случаях учет гендерной зависимости сновидений. Один и тот же сон в отношении сновидца-мужчины может получить одно толкование, а в отношении женщины — другое; некоторые сны имеют и в принципе гендерную ориентированность. Кроме того, семантика сновидений может различаться в зависимости от семейного положения сновидца. Так, если мужчина видит во сне, что он *ранен ножом*, его ожидают домашние неприятности или козни противников, незамужней же девушке этот сон предвещает бесчестье и позор [2, с. 329]; если девушке снится, что она *здоровается за руку* с каким-то видным деятелем (высокопоставленным чиновником), наяву ее ожидают поклонения незнакомых ей людей [2, с. 433]; увидеть во сне *рюкзак* для мужчины означает получение большого удовольствия от общения с новыми людьми, а для женщины *старый заплатанный рюкзак* во сне — знак того, что ее ждут бедность и неприятности [2, с. 437]; увидеть во сне, что вы *смотрите на рысь*, для мужчины означает попытки врагов подорвать его дела и разрушить семейное счастье, а для женщины — наличие соперницы [2, с. 437].

Гендерная специфика сновидений в соннике Г. Х. Миллера проявляется также в субъектном плане. Так, *любовник* — сон, в принципе значимый для женщины и ориентированный на ее физиологическую половую сферу, а *любовница, наложница* — сон, значимый для мужчины и актуальный в плане его физиологии пола. Эта дифференциация проявляется и в самом описании сновидения — ср.: «Если во сне вам не нравится ваш любовник, это означает, что ваш тайный поклонник может доставить вам неприятности»; «для женщины видеть себя во сне любовницей — знак того, что она унижит себя неприличным поведением» [2, с. 281]; «если мужчина видит себя во сне в обществе любовницы, то это предвещает угрозу публичного позора, который затмит его истинный характер и состояние дел» [2, с. 281].

Такая зависимость содержания сновидений от гендерной принадлежности сновидца, несомненно, отражает их связь с семантической структурой личности. Гендерная принадлежность — одна из самых важных и надежных ее семантем. Именно поэтому отношение себя к «мужскому» или к «женскому» началам служит для личности одним из основных критериев в определении своей идентичности (см.: [5, р. 22]).

Важна и логическая установка сонника Г. Х. Миллера. Ее составляет разграничение позиций наблюдателя в сновидении — субъектной и объектной, — однако эта позиция дифференцируется, если от нее зависит толкование сновидения. Данное положение иллюстрирует приведенная Г. Х. Миллером интерпретация увиденного во сне *недомогания*. «Сон, в котором вы чувствуете недомогание, — отмечает он, — симво-

лизирует несчастье и бесполезные сожаления по поводу какой-то совершенной сделки. Если вы видите людей, страдающих недомоганием, сон предупреждает о возможной ошибке» [2, с. 324]. Точно так же от позиции наблюдателя зависит семантика образа *любовницы*: в объектной позиции (любовницу видит сновидец-мужчина) она означает угрозу публичного позора, а с субъектной (любовницей видит себя сама женщина) – унижение своим неприличным поведением [2, с. 281].

Говоря о своеобразии данного сонника, нельзя обойти вниманием, наконец, принятые в нем алгоритмы толкования сновидений. Разрабатывая их, Г. Х. Миллер явно стремился опереться на надежную теоретическую базу, которая в то время разрабатывалась психологией, а в настоящее время ближе когнитивной науке и собственно когнитивной лингвистике. В частности, он имел в виду семантические законы, проявляющиеся в языке, но организующие семантический строй человеческой психики в целом (см.: [1]).

В этом плане определяется группа толкований, в которых необходимые содержания приводятся прямо, в непосредственном соответствии с самими образами сновидения. В крайнем случае при их толковании могут наблюдаться незначительные расширения или сужения исходных содержаний. Так, «видеть во сне, что вы боитесь, – к временным беспокойствам, которые скоро улетучатся» [2, с. 60]; «заболевания снятся к неприятностям и реальным болезням в семье» [2, с. 169]; «если замужней женщине или женатому мужчине снится, что они одиноки, это означает, что их союз не будет прочным, а постоянные ссоры не дадут им жить спокойно» [2, с. 344]. С позиций современной теории бессознательного можно было бы говорить, что в случаях подобного рода подпороговые области психики содержат знания о внешне не выраженных, но внутренне угадываемых психологических и физиологических условиях жизни человека (в приведенных примерах это беспокойство, заболевание, разобщенность с близкими).

Вместе с тем Г. Х. Миллер чрезвычайно широко использовал толкования, для которых актуальны более или менее глубокие семантические (или даже семиотические) модификации образов. Так, важное место в соннике занимают *метафорические толкования*, при которых образ сновидения определяется как область-источник, а в толковании описывается область-цель, соотносимая с непосредственным образом сновидения по принципу сходства. Например, увидеть во сне *бурю* означает, по Г. Х. Миллеру, что сновидец наяву попадет в беду, а его друзья отнесутся к этому с безразличием [2, с. 69]; *вата* снится «к успокоению скорбящих людей и безразличному отношению к злобной критике» [2, с. 75]; оказаться во сне на пути *вихря* означает, что наяву сновидцу придется бороться с переменами, несущими утраты и грести [2, с. 89]; *плыть по спокойному океану* всегда означает удачу во всех начинаниях [2, с. 346]. В первом примере основанием метафоризации выступает признак «активное негативное воздействие», а безразличие друзей соотносится с важной в данном случае идеей стихийности; во втором примере вата являет собой предметное воплощение идеи «излечения», «смягчения боли»; аналогичным образом вихрь воплощает

мысль о стихийной силе, несущей неведомо куда, но непременно ассоциируемой со значительными жизненными проблемами¹; в последнем примере актуален признак «спокойствие», но вместе с тем и сам океан мыслится как человеческое бытие.

Важную роль в этих условиях играют метафоры, сложившиеся на основе базовых семантических оппозиций типа *высокий / низкий, горячий / холодный, светлый / темный, свой / чужой, хороший / плохой* и т.д. Сновидения в случаях такого рода составляют основу для формирования концептуальных метафор, у которых область-источник задается образом, семантическая структура которого отчетливо демонстрирует один из членов подобной оппозиции, а область-цель отвечает обычному направлению его переосмысления (как минимум реализуется в оценочной сфере). Так, для образа *бочки* в сновидении важны признаки «пустая» или «полная». По Г. Х. Миллеру, *полная бочка* снится к довольству и празднику, *пустая бочка* составляет предупреждение, что жизнь сновидца будет лишена радости и утешения [2, с. 60]. Для образа *канавы* в следующем примере актуален отрицательный член другой оппозиции — *верх / низ*. «Если вы видите, — пишет Г. Х. Миллер, — что упали в канаву, это символизирует деградацию и личные потери; но если вы перепрыгиваете через нее, вы опровергнете любое подозрение в неискренности с вашей стороны» [2, с. 208]. Можно увидеть, что положительная семантика второго сновидения задается уже признаком «преодоление» в структуре образа перепрыгивания.

Менее широко в соннике Г. Х. Миллера представлены сновидения, толкуемые по метонимическому принципу. В случаях такого рода образ задает некую основу для содержательного сдвига в интерпретации на основе принципа смежности. Таково, например, следующее толкование *брани, оскорбления*: «Если вам снится, что вы бранитесь, сон предостерегает вас от страстных взрывов гнева, которые могут отдалить вас от близких вам людей. Если вы слышите, как другие люди бранятся, вокруг вас скапливаются враги, желающие нанести вам вред» [2, с. 610]. В том и другом случае брань ассоциативно (то есть метонимически) связывается с враждой, которая и составляет основу для толкования данного сновидения. Аналогичным образом видеть во сне *вазу* — «знак того, что в семейной жизни вас ожидает много приятных событий» [2, с. 73]. В данном случае актуален семантический сдвиг «ваза — цветы — нечто приятное». Еще более яркий пример такого рода — *сле-*

¹ В русских народных сказках ураганный ветер — олицетворение злых сил, уносящих героев из привычного им быта в «иное», чужое и чуждое пространство — за тридевять земель, на остров в море-океане и т.п. В современной западной культуре сходная семантика этого образа представлена фильмом «Вихрь» («Slipstream», 2007, режиссер Э. Хопкинс). Однако во французской народной сказке Вихрь — хоть и опасный в своей силе, но все-таки помощник человека, выручающий его из трудных жизненных положений. Аналогичная по идейной направленности сказка отмечается в народной белорусской традиции. Таким путем *вихрь* обретает в культурном сознании и положительную семантику. Об этом свидетельствует также тот факт, что в одной из поздних сказок донских казаков атаман М. И. Платов (1751 — 1818) именуется «вихрь-атаман».

зы: согласно Г. Х. Миллеру, «если во сне вы плачете, значит, скоро вас ждет беда» [2, с. 459]. В жизни слезы и плач выступают обычным атрибутом беды, связываясь с ней по метонимическому принципу.

Гораздо более широко представлено в соннике Г. Х. Миллера явление, близкое метонимии, но в современной науке о языке рассматриваемое отдельно от нее, — прагматическое расширение. Суть этого состоит в том, что исходный образ сновидения толкуется в связи с культурными представлениями, которые связываются с ним также ассоциативно, но не во внеязыковой действительности, а сутоубо в культурном сознании человека. По сути, это своеобразная «культурная метонимия» или ее культурная разновидность. Так, согласно Г. Х. Миллеру, «видеть во сне, как вы пьете вино, предвещает вам радость и крепкие дружеские отношения» [2, с. 87]. Метонимическая по своей сути связь между употреблением вина, испытываемым при этом приятным ощущением и обстоятельствами дружеского общения имеет культурные основания. Эти же основания прослеживаются в семантике другого близкого в своей образности сновидения: «Спускаться во сне в винный погреб, полный бутылок и бочонков с вином — это обещание вам самых приятных впечатлений» [2, с. 86]. Культурно-ассоциативным по своей сути является толкование следующего сновидения: «Если во сне вы видите обелиск, сон предвещает упадок сил и меланхолию» [2, с. 336]. Метонимия в этом случае также лежит в культурной сфере: обелиск — это памятное сооружение, которое в настоящее время ставится чаще всего на захоронениях. Таким путем складываются семантические связи «обелиск — смерть — упадок сил» и «обелиск — смерть — скорбь по умершим».

В этих условиях особо отмечаются сновидения, в основе толкования которых лежат базовые прагматические характеристики «хорошо» и «плохо», определяемые в темпоральной перспективе. В отдельных случаях они выходят за прагматические рамки и связываются с представлениями о неблагоприятных внешних условиях жизни человека — опасностями, угрозами, болезнями, внешними трудностями и т. д. Так, согласно Г. Х. Миллеру, «Гадюка во сне — плохой знак, предвещающий вам бедствия» [2, с. 109]; «ножницы во сне — недобрый знак. Жены будут ревнивы и придиричивы к своим мужьям, влюбленные будут ссориться и изводить руг друга взаимными обвинениями» [2, с. 329]; «видеть во сне нож — плохая примета, так как он предвещает разлуку, ссоры, убытки в делах» [2, с. 328]; «огонь — хорошо, если вы сами при этом не сгораете» [2, с. 342]; «видеть себя во сне парализованным означает, что вы заключили ненадежный договор» [2, с. 363], «увидеть во сне тарантула означает, что ваши враги попытаются навредить вам» [2, с. 492].

Отмеченная неоднозначность и многомерность толкования сновидений в соннике Г. Х. Миллера очень часто выводит их образы на уровень с и м в о л о в . Они обретают особую содержательную многомерность, становясь зависимыми от культурных, социальных, контекстных и многих других условий. Это обстоятельство, с одной стороны, ставит под критический удар многие толкования сновидений Г. Х. Миллером или вообще позволяют сомневаться в их адекватности. С другой сторо-

ны, подобный символический характер многих образов сновидений у Г.Х. Миллера открывает перспективу их интерпретации с опорой на принципы семантического раскрытия символических форм культуры вообще, и эта установка оказывается весьма продуктивной.

Так, у Г.Х. Миллера «сны о змеях — это вообще предупреждение о любых разновидностях и формах зла» [2, с. 183]; «держат во сне золото — к необычайному успеху во всех предприятиях» [2, с. 188]; «если вам снится, что вы путешествуете, наяву успех будет сопутствовать вам как в делах, так и в личной жизни. Если же вам снится, что вы путешествуете по мрачным незнакомым местам, в реальной жизни вам грозит опасность, тяжелая болезнь» [2, с. 411]; «найти во сне гнездо с яйцами предвещает большое богатство, счастливое супружество и рождение детей» [2, с. 575]. Во всех этих случаях актуальной оказывается традиционная символическая семантика ключевых образов: *змея* (*змей*) — важный негативный символ христианства; ценность *золота* и рассмотрение его как фактора успеха — современная мифологема, берущая начало в культурах древности; *путешествие* и собственно *путь* — важные мифологемы, организующие картину мира человека на глубинном, архетипическом уровне (см.: [3]); во многих мифопоэтических традициях *яйцо* — некое первоначало, из которого возникает вселенная или персонифицированная творческая сила [4].

Выявленные алгоритмы толкования сновидений в соннике Г.Х. Миллера тем не менее оставляют множество открытых вопросов, указывающих на сложность и неоднозначность поставленной проблемы, а возможно, и на трудность ее решения рациональными способами. В частности, для ряда примеров не определяются механизмы их семантического преобразования до семантики толкования. Так, непонятно, почему «если вам приснились *брюки*, то скоро вас будут склонять к бесчестным поступкам» [2, с. 64]. И «если во сне вы надели *брюки* наизнанку, наяву вы вскоре окажетесь в плену обаяния незнакомого человека» [2, с. 64]? Почему «видеть во сне окна предвещает роковой конец блестящих надежд» [2, с. 347]? Какие семантические механизмы связывают *растущий камыш* и представляемые им «успешные шаги на пути к счастью или удаче» [2, с. 208]? В силу каких условий приснившийся *сахар* означает, что «в домашней жизни сновидца появятся осложнения» [2, с. 443]? Вопросов такого рода к соннику Г.Х. Миллера остается много. Тем не менее уже сейчас можно с уверенностью сказать, что именно современная когнитивная наука, опирающаяся на теорию бессознательного, способна приблизить исследователей к их решению. Бессознательное говорит с человеком языком сновидений, и задача человека понять этот язык.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 13-04-00029 «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений».

Список литературы

1. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
2. Самый полный сонник Миллера. М., 2013.

3. *Топоров В. Н.* Путь // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 352 – 353.
4. *Топоров В. Н.* Яйцо // Там же. С. 681.
5. *Smith F. M.* Language, the sexes and society. Basel, 1985.

Об авторе

Геннадий Иванович Берестнев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: berest.-gen@mail.ru

About the author

Prof. Gennady Berestnev, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: berest.-gen@mail.ru